

Проблемы соотношения и разграничения преступлений и гражданских правонарушений по законодательству Российской Федерации

А. В. Серебрянникова

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права
и криминологии МГУ имени М. В. Ломоносова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»,
119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, строение 13
E-mail: serebranna@hotmail.com

М. В. Лебедев

аналитик РГУ нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский государственный университет нефти и газа имени И. М. Губкина»,
119991, Москва, Ленинский проспект, д. 65.
E-mail: 3g4g@mail.ru

Problems of Correlation and Differentiation of Crimes and Civil Offenses Under the Criminal Legislation of the Russian Federation

A. V. Serebrennikova

Doctor of Law, Professor, Professor of Criminal Law and Criminology
Lomonosov Moscow State University.

Address: Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, building 13,
119991, Moscow, Russian Federation.
E-mail: serebranna@hotmail.com

M. V. Lebedev

Analyst of Department of National Security Gubkin Russian State University
of Oil and Gas (National Research University).

Address: Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University),
65, Leninsky Prospekt, 119991, Moscow, Russian Federation.
E-mail: 3g4g@mail.ru

Аннотация

В настоящей статье автор исследует особенности соотношения и разграничения уголовно-наказуемых деяний и гражданских правонарушений в отечественном законодательстве. Акцентируется внимание на сущности указанного правового явления, причинах формирования, методологии определения и аспектах развития, а также, проблематике дифференциации правонарушений в сфере уголовного и гражданского судопроизводства. Автор статьи, акцентируя внимание на сложностях разграничения гражданских деликтов от преступлений в отечественной правоприменительной практике, связывает проблематику качества такого регулирования со слабой изученностью исследуемого понятия и в особенности тех сегментов его использования, где воля правоприменителя на установление ответственности, не подкреплена достаточной законодательной основой.

Ключевые слова: уголовный процесс, гражданское судопроизводство, правонарушение, преступление, гражданский деликт, ответственность, демаркация.

Abstract

In this article, the author explores the features of legislative regulation of issues related to the presentation of such a phenomenon as an offense. Attention is focused on the essence of this legal phenomenon, the reasons for the formation, the methodology for determining and aspects of development, as well as the problem of differentiation of offenses in the field of criminal and civil proceedings. The author of the article, focusing on the difficulties of

distinguishing civil tort from crimes in domestic law enforcement practice, connects the problems of the quality of such regulation with poor knowledge of the concept under study, and especially those segments of its use where the law enforcement will to establish responsibility is not supported by a sufficient legislative basis.

Keywords: criminal procedure, civil proceedings, offense, crime, civil tort, liability, demarcation.

Тематика определения правильности соотношения и разграничения видов правонарушений между собой в настоящее время представляется одной из самых противоречивых в юридической науке. Посылком чему служат не только постоянно изменяющиеся отношения в различных социальных сферах человеческого взаимодействия, но и вполне понятное желание ученых-правоведов выработать качественную методiku определения критериев и, соответственно, сущности такого явления, как правонарушение, тем самым последовательно сформировать и внедрить объективную модель межотраслевой дифференциации неправомερных и противоправных деяний.

Особенно актуальной такая позиция признается исследователями в области коммерческих интересов, поскольку с учетом уже сформировавшихся экономических реалий, а также задач, стоящих перед государством в вопросе развития малого бизнеса и предпринимательского сектора в целом, законодателем не во всех случаях выработана верная идеология понимания, какие именно отношения могут быть разрешены посредством гражданско-правового спора, а какие и почему должны рассматриваться и регулироваться путем применения нормы уголовно-правового характера.

Вполне логично, что задачи, поставленные перед правоохранительными органами в части полного контроля за расходованием прежде всего бюджетных средств, подталкивают правоприменителей на применение необходимых мер к недобросовестным участникам оборота денежных средств и других материальных ресурсов, что, как следствие, приводит, скорее, к нарушению общих норм, регулирующих порядок привлечения к ответственности, а также умалению прав участников отношений, подпадающих порой под необоснованное преследование со стороны государства. То, что данная проблематика является следствием недостаточного законодательного развития, уже ни у кого не вызывает вопросов.

Так, в ходе одного из своих ежегодных выступлений перед Федеральным собранием Российской Федерации, а также представителями высших судебных инстанций нашего государства, Президент РФ В. В. Путин подчеркнул, что работа

законодателя заключается в том, чтобы своевременно и качественно реагировать на постоянно изменяющиеся отношения в экономической сфере, проводить мониторинг слабых мест развития инвестиционного климата, а в случае возможности или необходимости вносить соответствующие изменения в действующие акты с учетом того, что такие корреляции помогут не только установить ясность при контроле за правилами ведения бизнеса, но и исключить необоснованное применение норм уголовного права в ходе оценки протекающих экономических процессов. В подтверждение своих слов президент указал на то, что недобросовестное использование уголовно-правовых механизмов приводит к необоснованным нарушениям прав участников социально-экономической среды, о чем свидетельствует статистическая отчетность, согласно которой только по 15% уголовных дел экономической направленности были вынесены обвинительные приговоры. При этом судами при рассмотрении данных дел неоднократно обращалось внимание на то, что некоторые составы преступлений были исключены из обвинения по причине относимости рассмотренных действий обвиняемых к иной сфере судопроизводства, в частности к гражданско-правовой, и непосредственно – арбитражной [8. – С. 10].

Нужно заметить, что именно недостаточность в определении сходств и различий между нарушениями прав участников гражданского оборота стала причиной прекращения впоследствии большей части таких дел за отсутствием состава преступления. А неопределенность границ между преступлениями, например, в сфере экономики и гражданскими правонарушениями давала повод представителям силовых структур самовольно и безосновательно вмешиваться в процессы регулирования бизнеса, нанося ему тем самым серьезный урон.

Говоря о сложности разграничения гражданского правонарушения от преступления, нужно сказать, что исследователями в данном вопросе было выработано два основных направления, одно из которых формировалось с учетом мнения о возможности подобной дифференциации, другое стало основой для утверждения в обратном.

В частности, еще в начале XX в. такие отечественные ученые в области права, как А. Ф. Кистяковский, Л. С. Белогриц-Котляревский, П. Д. Калмыков и др., утверждали, что демаркация между гражданскими деликтами и преступными деяниями невозможна априори, а сам процесс отграничения основан на условности отраслевого предназначения, поскольку сущность любого нарушения заложена в принципе заведомой противоправности [1. – С. 87–98].

Другая группа исследователей, к которым, в частности, относились Г. В. Ф Гегель, Х. Р. Кёстлин, А. Ф. Бернер, не соглашаясь с позицией неотделимости гражданского проступка от преступления, указывали, что противоправность как общее свойство правонарушения и означенная условность не должна служить доказательством тому, что противоправные деяния не могут быть отделены друг от друга, поскольку само понятие противоправности основано на условности, подкрепленной как объективными, так и субъективными представлениями о феномене нарушения вообще.

Идея разделения противоправных деяний более детально была представлена в трудах Гегеля, который одним из первых, определяя право как абсолютную волю, указал, что любое уклонение от заданных параметров социального регулирования должно рассматриваться как правонарушение, при этом необходимо различать, что гражданская «неправда» формируется как последствие неосознанного (неосторожного) влияния субъекта на возникшие отношения, в то время как уголовное нарушение – это «неправда», суть которой заключается в сознательном противопоставлении поведения субъекта не только интересам другого лица, но и общественным интересам (всеобщей воле) [5. – С. 11–17].

Указанные точки зрения стали основой для успешного развития того и другого направления, однако впоследствии привели к тому, что в настоящее время ученые так и не смогли выработать общий знаменатель по спорному вопросу. Одни продолжают настаивать на том, что уголовно-наказуемое деяние характеризует исключительно наличие предусмотренного законом конкретного наказания, в то время как нормы гражданского законодательства в своей структуре не только не имеют санкций за нарушение установленных правил гражданского оборота, но и в отличие от норм уголовного права, не содержат даже дефиниции «правонарушение».

Согласно положениям Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее – Кодекс, УК РФ), понятие преступления имеет вполне понятные очертания, закрепленные в статье 14 данного Кодекса, и включает в себя такие идентификационные правовые признаки, как противоправность, наказуемость и общественная опасность. В свою очередь гражданское законодательство аналогичного подхода к определению понятия правонарушения не содержит, отсутствует он и в научной среде. При этом понятие преступления, как мы знаем, было выработано и сформулировано на основе объективного представления об уголовном деянии не только к нашей стране, но и за рубежом. В каждой норме Особенной части Кодекса установлена ответственность за допущенное нарушение закона, а ее дифференциация свидетельствует о индивидуальности подхода законодателя к каждому составу правонарушения в отдельности.

Это подтверждается исследователем Л. Л. Кругликовым, который убежден, что именно характер и степень общественной опасности, выраженные законодателем в конкретных признаках и категориях, формируют верное представление о значимости нарушения и, как следствие, позволяют отличать преступление от иных видов нарушений права (правонарушения), в том числе и гражданских деликтов [7. – С. 19–32].

Как мы видим, воля законодателя и нормативная определенность в вопросе обозначения степени общественной опасности и характера какого-либо отдельного нарушения вносят ясность как в сущность понятия правонарушения, декларируя его особенности с учетом отраслевого предназначения, и одновременно с этим определяет его категорическое отличие от остальных видов правонарушений, в том числе и гражданских.

Другие исследователи, принимая точку зрения о значимости роли законодателя в установлении отграничений одного вида нарушения от другого, указывают на критическую условность в вопросе установления вышеуказанных признаков. Вместе с тем отсутствие в гражданских законах понятия правонарушения является лишь свидетельством того, что суть неправомерного деяния различна только по дополнительным отраслевым критериям и подкрепляется мнением о наличии прямой зависимости представления о том или ином правовом явлении от постоянно изменяющегося общественного внимания к вопросам ответственности, социаль-

ного развития и материального благополучия граждан и даже изменения внутривластной конъюнктуры [4. – С. 11–24].

Примером этому может служить ситуация с таким правонарушением, как оскорбление, которое, вопреки существующей практике за рубежом, относящей данное правонарушение исключительно к категории уголовно наказуемых, российским законодателем было выведено из числа общественно опасных и определено в разряд административных проступков. В то же время деяния, предусмотренные статьями 148, 297, 319, 336 УК РФ, продолжают расцениваться как общественно опасные, несмотря на то, что по своей сути и вопреки общей конституционной позиции, согласно которой высшей ценностью являются права и свободы именно гражданина и человека (ст. 2. Конституции РФ), а не человека и гражданина наделенного властными полномочиями или правом относить себя к религиозной организации, несмотря на то, что в части противопоставления одной личности интересам другой, носят аналогичное предназначение.

Все это свидетельствует о неопределенности в вопросе разграничений между одним правонарушением и другим. Если между административными правонарушениями и преступлениями разница заключается в относимости последних к общественно опасным деяниям в основном в силу образуемых последствий (или возможности их наступления), то проблематика определения объективной стороны гражданского правонарушения в сравнении с составом преступления носит более филигранный характер.

Одним из критериев разграничения противоправных деяний на гражданские и уголовные является такой правовой показатель, как малозначительность, – общее явление, предусмотренное частью 2 статьи 14 УК РФ, которое не так широко, в силу крайне субъективного оценочного подхода, и предметно изучается в отечественной науке и, как следствие, применяется на практике [3. – С. 74–83].

Тем не менее, в силу возможного влияния на оценку действий, притом что данный критерий, как правило, повсеместно применяется исключительно по умысленным составам правонарушений, малозначительность порой играет важную роль. Благодаря его действию даже при наличии прямого умысла на хищение чужих средств (мошенничество) такое деяние в силу незначительности вреда может не влечь за собой уголовное пре-

следование, а лишь только применение мер гражданско-правового характера. Подтверждением служит и позиция Верховного Суда Российской Федерации, который в своих решениях неоднократно обращал внимание на недопустимость уголовного преследования из-за отсутствия в деяниях виновного последствий в виде существенного вреда, следовательно, по причине малозначительности.

Несмотря на положительность разграничения правонарушений по принципу малозначительности, его действие носит крайне оценочный характер, а механизм не содержит понятных постулатов правильности использования, чем ставит легитимность его применения в исключительную зависимость от воли правоприменителя.

Другим проблемным аспектом разграничения гражданских деликтов от уголовных деяний представляется то, что и уголовная, и гражданско-правовая ответственность в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации могут выступать одной единой силой в вопросах достижения целей социальной справедливости. Однако их целевая направленность привносит многочисленные суждения относительно правильности такого подхода, так как право гражданского истца, предусмотренное статьей 44 УПК РФ и подача им искового заявления вследствие вреда, причиненного преступлением, при условии, что возмещение причиненного вреда возможно в добровольном порядке, делает возможность привлечения ответчика к уголовной ответственности потенциально губительной для общественного развития. Кроме того, логико-правовое осмысление подобного развития событий формирует представление о двойном наказании не только у участников отношений и их представителей, но и у правоприменителей. Представляется вполне очевидным, что в таких случаях основания для использования как уголовной, так и гражданско-правовой ответственности носят дублирующий характер, в связи с чем целесообразно поставить вопрос о двойственной природе возникших отношений и, соответственно, тождественности противоправных явлений: гражданского и уголовного.

Так, в 2018 г. практически во всех субъектах РФ был проведен опрос среди федеральных судей относительно правильности использования вышеуказанного подхода при определении вины в совершении таких преступлений, как кража (ст. 158 УК РФ), мошенничество (ст. 159 УК РФ), присвоение или растрата (ст. 160 УК РФ) и иных

противоправных деяний, цель совершения которых состоит в неправомерном завладении чужим имуществом либо его незаконным приобретением. При этом было сформировано условие, при котором на момент принятия такого дела к производству, вред, причиненный действиями обвиняемого, был возмещен в полном объеме, а в его действиях усматривались признаки конклюдентного поведения, направленного на возмещение такого вреда [2].

По результатам опроса, мнения представителей судебного корпуса разделились практически поровну, чем дали почву для размышлений о правильности используемого механизма и о возможности причинения необоснованного вреда общественным интересам правоохранителями вследствие применения мер уголовно-правового характера.

Следует отметить, что наиболее часто при данном анкетировании звучало упоминание о сложности отграничения такого вида преступления, как мошенничество, осуществляемого под прикрытием гражданско-правовых договоров, от реальных сделок, причиной неисполнения обязательств по которым становятся, как правило, форс-мажорные обстоятельства субъективного характера, предпринимательская слабость и профессиональная неподготовленность одного из участников договорных отношений, а также отсутствие должной государственной поддержки в вопросах изменения социально-экономического климата. Кроме этого, одним из результатов данного опроса стал вывод о сложности разграничения деяний именно в сфере экономики. Хотя на протяжении почти 20 лет в соответствующие главы УК РФ неоднократно вносились изменения, связанные с криминализацией и декриминализацией различных деяний в сфере экономики.

Одним из критериев, которые признаются на практике и в правовой науке при разграничении уголовно-наказуемого мошенничества и гражданских правонарушений, является способ, посредством которого пострадавший от противоправных действий может осуществить защиту принадлежащего ему имущества. При этом важно учитывать, что именно нормы гражданского права являются основным инструментом во всем цивилизованном мире при защите права собственности. К таким способам можно отнести виндикационные и негаторные иски, а также иски о защите права собственности [6. – С. 5–10].

Еще одним критерием отграничения являются специальные признаки составов мошенничества. Так, например, для отграничения состава преступления, предусмотренного статьей 159.1. УК РФ (мошенничество в сфере кредитования) от гражданского нарушения, законодатель ставит условие невозможности использования недостоверных (подложных) сведений в отношениях между кредитором и заемщиком на стадии заключения кредитного договора. Однако на практике возникает проблема, суть которой может выражаться в том, что заемщик, предоставляя, например, сведения о своем доходе, тем самым гарантирует его неизменность во всяком случае на протяжении срока действия кредитных обязательств. В то же время гарантировать, что предоставленные им сведения относительно постоянства такого заработка не изменятся, клиент кредитного учреждения не может. Поэтому гарантированность предоставления таких сведений должна быть соблюдена исключительно на стадии их первоначальной подачи. Данная позиция была озвучена Пленумом Верховного суда Российской Федерации в Постановлении от 30 ноября 2017 г. № 48 (далее – Постановление), в котором отмечалось, что обстоятельства, указывающие на невозможность исполнения своих обязательств должником, в дальнейшем не должны рассматриваться судом как предоставление заведомо ложных сведений изначально. Судам необходимо с учетом дополнительных признаков (действий и бездействия должника) и в каждом конкретном случае устанавливать, намеревалось ли лицо исполнять свои обязательства.

Еще одним важным признаком объективной стороны преступления, предусмотренного статьей 159 УК РФ, которое при отграничении данного деяния от гражданско-правового создает сложности в оценке действий субъекта, является злоупотребление доверием. Ошибочность при выявлении или оценке такого признака зиждется на неверном понимании того, в какой именно момент данные о невозможности исполнения обязательств по договору были предоставлены в адрес владельца или уполномоченного на передачу средств лица (п. 3 Постановления), как и при обмане, имеют место перед заключением сделки. Таким образом, если одной из сторон сделки еще до ее заключения известно, что обязательства ею исполнены не будут, то речь следует вести о мошенничестве. Если же договорные обязательства

не исполняются в результате возникших после заключения сделки обстоятельств, о которых сторона, не исполнившая обязательства, не знала при заключении договора, либо форс-мажорных обстоятельств, не указанных в договоре, деяние уголовно наказуемым считаться не будет.

Вместе с тем возникает вполне логичный вопрос об оценке действий лица, если оно, будучи точно уверенным в возможности предстоящего банкротства, заключает сделку, пытаясь избежать его, в результате уверяет другую сторону в своей платежеспособности.

Следовательно, взвешивая собственные силы, лицо не намеревалось нарушать условия договора, однако находилось в состоянии обоснованного сомнения, о которых будущему кредитору не сообщило. Последовательно это создает ситуацию, которая в данном случае будет считаться пограничной, поскольку умысла на обман клиент кредитного учреждения не имел, но при этом вводил в заблуждение относительно достоверности предоставляемых им сведений.

Полагаем, что при таком положении дел решение о необходимости уголовного преследования должно формироваться с учетом реального финансового положения лица, определяя ключевой момент в предоставлении сведений – заключение сделки, а также последующее поведение должника в том числе и в части реализации собственных активов, предоставления документов, свидетельствующих о желании их исполнения, возмещения части убытков или др.

Другим проблемным примером такого разграничения служат преступления, где среди признаков объективной стороны одним из них оказывается признак крайне оценочного свойства. Так, в диспозиции статьи 167 УК РФ, устанавливающей ответственность за умышленное уничтожение или повреждение к последствиям отнесены только те последствия, которые по факту причинили значительный моральный и материальный вред и

ущерб соответственно. Вместе с тем в практике привлечения виновных лиц возникают проблемы, поскольку в самом законе нет четких указаний на то, каким образом вести подсчет и давать оценку причиненному вреду в части определения его значительности. Это в свою очередь порождает различные спекуляции как со стороны пострадавших, так и со стороны правоохранителей, нередко исключающие возможность дополнительного сбора сведений относительно реальности материального положения потерпевшего.

Затронув некоторые аспекты разграничения понятия «правонарушение» в таких сферах законодательного регулирования, как уголовная и гражданско-правовая, мы можем отметить, что основной причиной формирующейся проблематики является недоработка в вопросах нормативного закрепления критериев, определяющих сущность такого явления, как «правонарушение» в гражданском праве, недостаточность доктринального представления о признаках разграничения при применении норм гражданского законодательства и уголовного закона на практике, а также разбалансированность сегментов гражданско-правовой и уголовной ответственности при определении меры наказания с учетом совершенного деяния и возможности устранения его последствий. К сожалению, институт гражданского права до сих пор остается недостаточно разработанным в юридической науке, что объясняется сосредоточенностью отрасли на вопросе гражданско-правового регулирования общественных отношений в сфере нормального имущественного оборота. Поскольку в связи с совершением гражданского правонарушения наступает как договорная, так и внедоговорная ответственность, многогранность и неоднородность данного института неоспорима. Однако, по нашему мнению, это не означает, что юридическая наука бессильна в вопросе выработки отраслевых критериев отграничения гражданских правонарушений и преступлений.

Список литературы

1. *Александрова В. В.* Преступление и гражданское правонарушение: теории разграничения // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2017. – № 4. – С. 87–98.
2. *Александрова В. В.* Преступления в сфере экономики: проблемы соотношения и разграничения с гражданскими правонарушениями : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2018.
3. *Винокуров В. Н.* Малозначительность деяния в уголовном праве: признаки и формы // Журнал российского права. – 2014. – № 4 (208). – С. 74–83.

4. *Волошко М. В.* Гражданско-правовая ответственность за коррупционные правонарушения // Студенческий вестник. – 2020. – № 2–2 (100). – С. 11–14.
5. *Егоров А. А.* Теория правонарушения в трудах классиков немецкой философии (И. Кант, Г.В.Ф. Гегель) // Российское право онлайн. – 2019. – № 1. – С. 11–17.
6. *Игнатович Н. М.* Обеспечение иска как способа защиты гражданских прав // Научно-исследовательские публикации. – 2014. – № 6 (10). – С. 5–10.
7. *Кругликов Л. Л.* Характер и степень общественной опасности преступления, личность виновного: понятие, влияние на выбор судом наказания // Современное состояние и пути развития уголовного права Российской Федерации: научные и учебно-методические аспекты : материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессоров кафедры уголовного права В. А. Елеонского и Н. А. Огурцова / под ред. В. Ф. Лапшина. – Рязань, 2016. – С. 19–32.
8. Послание Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации Прямая речь // Стандарты и качество. – 2020. – № 2.